

Н. А. Мурзакевич — первый историк Смоленска

Не сладость дружеских объятий
Тебе наградой была,
А клевета твоих собратий
И душ завистливых хула.

(«На могиле Н. А. Мурзакевича», стихотворение неизвестного автора, 1840 год).

Во второй половине XVIII столетия, отражая рост национального самосознания, в трудах В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина и др. складывается русская историческая наука. Повсеместно растет интерес к прошлому русского государства. Естественно, что Смоленск с его почти тысячелетним героическим прошлым не мог не привлечь внимания как специалистов-ученых, так и простых любителей старины. Особое место среди них принадлежит нашему земляку, «неутомимому собирателю древних сведений»¹ Никифору Адриановичу Мурзакевичу. В ту пору, когда историческое краеведение, так называемая частная история, только начиналось и не было еще никаких образцов, он написал и издал свою знаменитую «Историю губернского города Смоленска», которая многие десятилетия, чуть ли не весь прошлый век, оставалась главкой книгой

о нашем городе². Н. А. Мурзакевич — подлинный отец смоленской историографии, смоленского краеведения.

Личность и судьба Мурзакевича, если осмысливать их с современной точки зрения, очень интересны и многозначительны. Они наглядно показывают нам, как трудно было простому, незнатному человеку трудиться без официальной санкции даже на таком нужном, патриотическом поприще, как изучение родного края. Всю жизнь энтузиасту смоленской старины приходилось преодолевать инертность властей, пренебрежение и зависть духовенства, равнодушие дворянского круга. «Дворянство и ученое духовенство, ежели смею сказать, пренебрегает о собирании исторических и перебирании древних бумаг», — с горечью жаловался Мур-

¹ Л. В. Алексеев. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., Наука, 1980, с. 5.

² Н. А. Мурзакевич. История губернского города Смоленска. Смоленск, 1804. Вышедшую в 1848 г. книгу Н. Никитина читатели единодушно ставили ниже «Истории» Мурзакевича.

закевич³. В то время как историк радуется каждой реликвии или документу старины, губернатор барон Аш велит разбирать на кирпичи «смоленское ожерелье» — древние крепостные стены, а губернатор Хмельницкий помещает найденную на Смядыни «белокаменную» гробницу в пожарное депо, где она используется под лошадиные ясли. Немало осложнений выпало и на долю первой «Истории города Смоленска», прежде чем она увидела свет.

Никифор Мурзакевич был в полном смысле самородком, даже своего рода самозванцем в исторической науке, так как работал на свой страх и риск, без разрешения и поощрения свыше, не имея, к тому же, не только специального, но даже среднего образования. Родившись в 1769 г. в большой семье бедного священника, он и сам должен был пойти по отцовскому пути, так как все другие возможности для способного мальчика были закрыты. Десяти лет его отдают в Смоленскую семинарию, однако внезапная смерть отца вынуждает уйти и оттуда, не закончив даже низшего, синтаксического класса. Совершенно обнищавшая семья поселяется на улице смоленских бедняков, в Резницком овраге, кормится огородом и садом, носит самодельную одежду, изготовленную руками неутомимой матери. Лишешному образованию, Мурзакевичу заказана и приличная церковная карьера. Начав службой-псаломщиком, он так и не поднялся выше приходского священника и семинарского завхоза. Его положение, в сущности, ничем не отличалось от жизни бедного разночинца, скромного «маленького человека» тех далеких лет.

И все-таки проснувшаяся тяга к знанию вопреки всему искала для себя выхода. В Никифоре Мурзакевиче развилась сильная страсть к чтению. Он достает книги через знач-

комых (никакой публичной библиотеки в тогдашнем Смоленске не было), а иногда, не в силах удержаться, даже покупает их на свои скудные средства у старьевщиков на толкучем рынке. Самые интересные для него — исторические сочинения о русском народе, тем более что в некоторых из них упоминается родной Смоленск. Мурзакевич тщательно выискивает и выписывает эти упоминания. Так в конце концов и возникла у него самонадеянная мысль: опираясь на общие «Истории» Татищева и Щербатова, на древние летописи, используя известную в Смоленске рукопись Шупинского, местные архивы, не пренебрегая и преданиями старожилов, составить по крупнице подробную историю родного города.

Занятия смоленской историей захватили всего Мурзакевича. В течение нескольких лет он отдает им все свободное время, трудится утром и в полночь, подчас до полного изнеможения. Все остальное отступает постепенно на второй план. В конце концов «странная» жизнь подчиненного вызвала подозрения епископа Димитрия Устиновича, «преосвященный» вызвал его к себе, велел прекратить постороннюю работу, ибо не положено этим заниматься «человеку неученому», и закрыл для историка консисторский и монастырские архивы. На голову бедного Мурзакевича сразу же посыпались злорадные насмешки сослуживцев и так называемого «ученого» смоленского духовенства.

И все-таки бывали у нашего первого историка редкие дни, когда он встречал понимание и поддержку. Особо следует выделить 1802 год, когда однажды в июле счастливый случай свел его с несколькими по-настоящему передовыми и образованными людьми, воспитанниками Московского университета, которые по пути за границу на некоторое время задержались в Смоленске. Среди них был А. И. Тургенев, широко образованный и свободомыслящий юноша, впоследствии близкий друг Пуш-

³ «Из переписки с графом Н. П. Румянцевым». — В кн.: «Н. А. Мурзакевич, историк города Смоленска», СПб., 1877, с. 60.

кина, Вяземского, Чаадаева (младший его брат станет декабристом). Молодые москвичи заинтересовались историей города и — по совету обывателей — разыскали Мурзакевича в его хижине на Резницкой. Вдохновенный рассказ о Смоленске и бедственное положение рассказчика произвели на них сильное впечатление. А. И. Тургенев написал об энтузиасте своему отцу, известному в свое время просветителю, товарищу знаменитого Н. И. Новикова, с которым они вместе пострадали за вольномыслие при Екатерине II. И вот, спустя несколько месяцев после встречи, на имя бедного смоленского книжника пришла из Москвы посылка, содержащая около сотни различных томов, необходимых для его работы. Эта неожиданная, бескорыстная помощь со стороны передовых людей тогдашней России потрясла не избалованного вниманием Мурзакевича, придала ему силы и уверенности в себе — и через два года он довел-таки свой труд до конца.

Однако и на этом мытарства историка не закончились. Как издать написанную книгу? Разъяренный епископ возвращает поднесенную ему рукопись «с выговором и бранью». Не удалось найти помощи и у гражданского губернатора Гедеонова. Оставалась последняя надежда — на только что назначенного в Смоленск военного губернатора С. С. Апраксина. К счастью для Мурзакевича, новоприбывший генерал разыгрывал просвещенного вельможу и как раз в это время занимался губернской типографией с тем, чтобы она выпускала специально для него переводимые, сентиментальные комедии немецкого писателя А. Коцебу. Меценат милостиво разрешил посвятить себе будущую книгу, хотя не имел к ней ни малейшего отношения, и даже порекомендовал смоленскому дворянству произвести подписку. В 1804 г. губернская типография отпечатала 600 экземпляров «Истории». Конечно, это была удача, однако пришла она к Мурзакевичу почти случайно: до послед-

него времени дело висело на волоске и зависело от воли и настроения снительного лица. Таковы были судьбы человека и книги в старой России.

Труд самодеятельного историка явился важным событием в культурной жизни Смоленска. «Все жители города обратились к автору с требованием Истории Смоленской», — вспоминал один из сыновей Мурзакевича⁴. Книга продавалась в Москве, со временем стала известна петербургским историкам. Вскоре потребовался дополнительный выпуск. В своей книге Мурзакевич впервые проследил и систематизировал смоленские события от удельных времен до конца XVIII века. Конечно, к нашему времени его труд далеко перекрыт позднейшими исследованиями: С. П. Писарева, И. И. Орловского, современных советских ученых. Книга Мурзакевича имела еще компилятивный и летописный характер, но в свое время была очень полезна и даже необходима. По оценке современного советского специалиста, не ставя широких задач, она была по-своему добросовестна и обстоятельно передавала содержание источников⁵. Особую ценность представляет последняя, пятая часть, которая ввела в научный оборот ряд ценных литовских, польских и русских документов, тем более что оригиналы погибли в пожарах 1812 года. Еще более велико историко-культурное, просветительное значение книги для нашего города, для Смоленщины вообще.

* * *

Успех «Истории» сделал Мурзакевича заметным в городе человеком, большинство смолян относилось к нему с уважением, однако отношения с духовенством были испорчены окончательно: начинается зависть,

⁴ «Смоленская старина». Смоленск, 1912, вып. 2, с. 181.

⁵ Л. В. Алексеев. Смоленская земля в IX—XIII вв., с. 5.

всевозможные толки и пересуды, для смоленских церковников он всего-навсего подозрительный «сочинитель» и неученый выскочка. Заниматься историей становится не только не легче, но, по-видимому, еще труднее.

Новые испытания и новую славу принес Мурзакевичу 1812 год. В пору французского нашествия мы видим его уже не просто летописцем, а действующим лицом и даже одним из героев живой истории родного города.

Несмотря на призыв Александра I не поднимать паники и на данную подписку о невыезде, подавляющая часть духовенства во главе с самим епископом Иринеем при приближении неприятеля спешно бежала из Смоленска. Но Мурзакевич сдержал слово и разделил судьбу своего города. 4—5 августа его можно было видеть поблизости от сражавшихся, среди раненых и умирающих, несколько пуль пробили его широкополую шляпу. Когда город был все же занят французами, Мурзакевич с сыновьями-подростками помогает оставшимся в городе раненым, старается спасти городское имущество, достопримечательности, подвергается аресту, даже, как говорится в одном из документов, был французами «бит, дран за волоса и бороду». И все-таки по его настоянию Мюрат поставил караул в Успенском соборе. Именно Мурзакевич был последним собеседником приговоренного к расстрелу П. И. Энгельгардта, принял его завещание и передал земле тело героя Отечественной войны. В конце концов историограф стал чуть ли не главным ходатаем за город и его жителей перед французской администрацией. Эта забота о Смоленске и привела его 28 октября 1812 г. к пресловутой «встрече с Наполеоном», которую после освобождения враждебное ему духовенство пыталось использовать для расправы с «сочинителем», обвинив его не больше не меньше как в измене России. Два года тянулось так на-

зываемое «дело Мурзакевича». В трудное время войны и следствия почти наполовину сократилась его семья: умерли мать, жена, две дочери, тетка и воспитанница Софья Каховская. В 1814 г. за отсутствием состава преступления дело было прекращено. Окончательным завершением событий 12-го года для Никифора Мурзакевича можно считать награждение его в 1818 г. бронзовым владимирским крестом за храбрость — по несколько запоздалому представлению участника обороны Смоленска генерала Паскевича.

Хотя перенесенные испытания совершенно подорвали здоровье Н. А. Мурзакевича, он и после войны не прекращает своих привычных, изнурительных занятий, дополняет свою «Историю», мечтает написать о событиях 1812 года (можно представить, какой ценной была бы для нас книга очевидца!). Однако его снова окружает стена непонимания и равнодушия. В 1819 г., вроде бы, удалось добиться официального, от имени губернатора, обращения ко всем жителям Смоленщины с просьбой сообщить об известных кому бы то ни было исторических документах и реликвиях, но местные власти, помещики, монастыри полностью проигнорировали призыв — затея не дала никаких результатов. Когда же в июле этого года историк собрался сам объездить уездные архивы, у него просто-напросто не нашлось нужной для этого небольшой суммы денег. Становилось все яснее, что удача 1804 г. была случайной, что без протекции и без средств ни работать, ни пробиться в печать невозможно. По свидетельству сына, в последние годы отчаявшийся Н. А. Мурзакевич уже больше читал, а не писал, так как все его рукописи оседали никому не нужным мертвым грузом. Не убывает и неприязнь смоленского духовенства — например, так называемых «профессоров» семинарий. На совет известного собирателя древних рукописей

Н. П. Румянцева⁶ продолжить исторические изыскания Мурзакевич с горечью отвечал, что бьется «снова навлечь на себя ненависть и смех большей части здешних духовных, ибо я оные довольно почувствовал при издании «Смоленской Истории», да и теперь некоторые мои домашние упражнения подают повод к смеху»⁷.

Примечательно, что, оскорбленный смоленскими церковниками в своих лучших чувствах, в любимом деле всей своей жизни, Н. А. Мурзакевич всячески старался вывести своих четырех сыновей из духовного сословия, за что получил очередной выговор от «преосвященного». Один из сыновей (с помощью все того же А. И. Тургенева) был отправлен на гражданскую службу в Петербург, двое других, пройдя через жестокую нужду казеннокоштных студентов, сумели окончить Московский университет, причем младший — Николай — стал впоследствии видным историком южной России, профессором Ришельевского лицея (Новороссийский университет). В 40-е годы мы находим Николая Мурзакевича в числе знакомых Белинского и собеседников Гоголя.

Первый историк Смоленска Н. А. Мурзакевич отнюдь не был тем «неученым выскочкой», каким изображало его смоленское духовенство. Это был человек большой и разносторонней начитанности, с немалым даром слова. Обращает внимание,

⁶ Основатель «Румянцовского музея», на основе которого выросла московская библиотека им. В. И. Ленина — крупнейшее книгохранилище нашей страны.

⁷ «Из переписки с графом Н. П. Румянцевым», с. 62.

например, что среди неизданных его сочинений был даже «Опыт словаря о изобретателях разных употребительных у людей предметов», что в собранной на скудные средства и огромной по тому времени библиотеке стояли «опасные» книги французских просветителей Монтескье («Дух законов»), Руссо («Исповедь», «Гражданин»), а сыновья зачитывались в детстве Лесажем и Сервантесом. Вообще, у пионера смоленской историографии ошутима определенная демократическая настроенность. Не случайно в одном из писем он утверждает, что «писал не для богословов и любомудров, а имел в виду благо простого народа», который, по его словам, пребывает «в бедности и тягостных работах»⁸. Редкая библиотека историка постоянно была открыта для всех желающих. Еще при жизни он дарил сотни томов ученым заведениям города, а после смерти около тысячи книг было передано для основания первой в Смоленске публичной библиотеки.

Современная Смоленщина — край высокой культуры, великолепных краеведческих музеев и обширных книгохранилищ. Каждый год появляются новые работы о прошлом и настоящем нашей области. Именно поэтому мы не можем не вспомнить с благодарностью имя человека, который стоит у истоков смоленского краеведения и которому пришлось вынести столько невзгод ради своего благородного, патриотического дела. «В нем же, — говорил Мурзакевич, — сердце мое участвовало».

В. ЗАХАРОВ,
кандидат филологических наук.

⁸ «Из переписки с графом Н. П. Румянцевым», с. 94.